

А. Г. Чевтаев

Россия, Екатеринбург

Большая тройка и Вторая мировая война на востоке Европы (1941–1943)

Вторжение нацистского вермахта утром 22 июня 1941 г. в пределы России (СССР) положило начало весьма сложной, напряженной полосе отношений И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля в вопросах противоборства в Восточной Европе. Западные лидеры накануне начала операции «Барбаросса», верно оценив восточные замыслы Гитлера, определили свои позиции. Вечером 22 июня Черчилль в знаменитой речи, которую с большой тревогой ждали в Кремле, заявил что «любые государства, борющиеся против Гитлера, получают нашу помощь». Он правильно изложил позицию, когда заявил, что «вожди русского народа призвали его к сопротивлению агрессору до конца». Заявление Рузвельта 23 июня (местное время) о возможности оказания помощи Москве, учитывая формально невоюющий статус Вашингтона и сильные настроения изоляционизма и антикоммунизма в стране, оказалось не менее важным¹.

В июле – августе 1941 г. состоялись первые серьезные контакты – эпистолярные и через послов – Черчилля, Рузвельта и Сталина. Кроме уже сложившейся переписки президента и премьер-министра, важное значение имели послания Черчилля вождю, переговоры Сталина с британским послом С. Криппсом, визиты личного комиссара Рузвельта Г. Гопкинса в Лондон и Москву, наконец, первая личная встреча Рузвельта и Черчилля в Атлантике 9–12 августа. Эти контакты показали, что замыслы Кремля добиться от Лондона заключения союзного пакта о взаимопомощи,

¹ См.: *Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография, речи.* М., 2003. С. 658–660; *Cadogan A. The Diaries of A. Cadogan.* L., 1975. P. 386–388; *Уткин А. Рузвельт.* М., 2000. С. 243.

включая признание границ СССР на 22 июня 1941 г., и проведения тем же летом крупного десанта в Северную Францию (открытие «второго фронта») оказались недостижимы. Равно как и надежды вождя на получение от США в ближайшее время крупной материально-технической помощи (оружия, боеприпасов, средств связи, сырья и многого другого) на льготной основе².

Дело было не только в военно-стратегической неготовности, неспособности Британии и США выполнить даже часть этих требований Сталина. Особенно в условиях, когда советский фронт с июля до ноября 1941 г. неоднократно находился на грани крушения. Не меньшее значение имели политико-стратегические подходы Британии и США. При учете всей важности Восточного фронта они не могли принять тезис Сталина о ведущей роли этого фронта в мировой борьбе. Победа Германии, полагали они, определит господство в Евразии, а исход мировой войны решится схваткой двух материков – Старого и Нового Света. Рузвельт определил эту концепцию еще в мае – июне 1941 г. в полемике с Черчиллем, который пытался отстоять свой тезис о решающей роли Средиземноморского театра войны для будущей победы над агрессорами. На встрече в Атлантике Рузвельт и Черчилль были едины в видении иерархии театров мировой войны: Атлантика, Средиземноморье, Восточная Европа³.

Кроме того, западные лидеры серьезно расходились в видении будущей геополитической расстановки сил в Восточной Европе. Они не признали насильственное включение Восточной Польши, части Финляндии, Прибалтийских республик в состав СССР, о чем недвусмысленно заявили в Атлантической хартии. Это противоречие вместе с сентябрьскими неудачами Красной армии было причиной первого кризиса в истории Большой тройки. Его наиболее резким проявлением стали прямые упреки Сталина на переговорах в Москве 28–30 сентября 1941 г. с представителями Рузвельта и Черчилля А. Гарриманом и М. Бивербруком, когда вождь заявил им, что Вашингтон и Лондон «желают уничтожения советского режима Гитлером». Кризис был разрешен серьезным увеличением

² См.: Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957. Т. 1. С. 9–18; Документы внешней политики : Министерство иностранных дел Российской Федерации. М., 2000. Т. 24. С. 114 – 124 (далее – ДВП); *Шерауд Ф.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. М., 1958. Т. 1. С. 517–546.

³ См.: Little Hart Centre of the Military Archives (London University). Esmay's Papers. VI/I. P. 24–25; Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период мировой войны. М., 1995. С. 164–167.

поставок оружия, снаряжения и др. (протокол от 1 октября 1941 г.) и распространением на СССР положений закона о ленд-лизе⁴.

В начале декабря 1941 г. произошли важные события, открывшие новый период Второй мировой войны. 5–7 декабря началось Московское сражение, что означало окончательный крах блицкрига вермахта. 7–8 декабря с ударом Японии по Пёрл-Харбору возник новый театр войны на Тихом океане. Наконец, 11 декабря Германия и Италия объявили войну США. Этот поворот войны был благоприятен для СССР, и Сталин решил максимально использовать его в борьбе со своими партнерами за Восточную Европу.

В переговорах 16–20 декабря 1941 г. с прибывшим в Москву министром иностранных дел А. Иденом вождь развернул следующую советскую программу: признание границ 1941 г., создание военных баз в сопредельных странах Восточной Европы, контроль над черноморскими проливами. Для «равновесия» он соглашался признать аналогичное присутствие Британии в Западной Европе. При этом Москва исключала участие США в послевоенных делах Европы⁵. Однако, несмотря на мощный прессинг, которому Сталин и Молотов подвергли Идена, последний устоял. Он соглашался на подписание договора о военном и послевоенном сотрудничестве двух стран без упоминания западных границ СССР и, конечно, без каких-либо секретных протоколов о взаимной поддержке претензий Москвы и Лондона на сферы безопасности в Европе. Черчилль, с которым министр поддерживал связь, решительно отверг притязания вождя, ссылаясь особенно на позицию Вашингтона и на положения Атлантической хартии⁶. Переговоры в Москве не привели к практическим результатам – они свидетельствовали о весьма серьезных претензиях Кремля в Восточной Европе и создавали немалые препятствия для укрепления антифашистской коалиции.

На новой встрече в США 22 декабря 1941 г. – 14 января 1942 г. Рузвельт и Черчилль уделили немалое внимание войне на востоке Европы. Они признали, что «поражение и потери Гитлера в России» являются весьма важной предпосылкой успешной подготовки США и Британии к будущим наступательным действиям в Атлантике и Средиземноморье.

⁴ Переписка председателя Совета министров... Т. 1. С. 20–25; ДВП. Т. 24. С. 299–300, 336–348; *Harriman A., Abel E. Special Envoy to Roosevelt and Stalin, 1941–1946*. N. Y., 1975. P. 87–90.

⁵ См.: ДВП. Т. 24. С. 502–505; *Cadogan A. The Diaries of A. Cadogan*. P. 420–421.

⁶ См.: ДВП. Т. 24. С. 502–505; *Черчилль У. Вторая мировая война*. М., 1991. Кн. 2. С. 288; *Cadogan A. The Diaries of A. Cadogan*. P. 421–422.

Принятие в согласованной Белым домом и Уайтхоллом стратегии Запада принципа «Германия – враг № 1» было позитивным шагом в отношениях Большой тройки. Вместе с тем они подтвердили прежнее понимание борьбы Старого и Нового Света как эпицентра мировой войны. И в условиях тяжелых поражений Лондона и Вашингтона на своих театрах войны не могло быть и речи о втором фронте в наступившем 1942 г. Но Белый дом сделал важный жест в адрес Кремля. В связи с подписанием Декларации Объединенных наций Рузвельт принял решение о значительном увеличении производства военной продукции в США по «Программе победы» на 1942 г⁷.

Вскоре ситуация на востоке Европы стала предметом новой заботы западных лидеров. В феврале 1942 г. главные военные советники президента начальник штаба армии Дж. Маршалл и военный министр Г. Стимсон представили предложение о разработке плана открытия второго фронта в Западной Европе весной 1943 г. Это событие совпало с тревожными сведениями разведок США и Британии в марте 1942 г. о подготовке вермахта к новой наступательной кампании на востоке. Черчилль писал президенту 4 и 7 марта, что «Левантийско-Каспийский фронт, полностью зависящий от успеха русских армий», может рухнуть, если весной немцы «нанесут России страшный удар». Благодаря настойчивости Рузвельта Черчилль в принципе поддержал план операции «Болеро – Раундап» – вторжение в Северную Францию в апреле 1943 г. 30 дивизий США и 18 дивизий Британии при поддержке 5 500 самолетов. Кроме того, в 1942 г. Белый дом предлагал провести экстренную операцию «Следжхаммер» меньшего масштаба в случае крушения Восточного фронта⁸.

Сталин принял предложение Рузвельта о поездке Молотова в Вашингтон для обсуждения указанного проекта, но подчеркнул, что речь должна идти о настоящем втором фронте в 1942 г. Визит советского наркома в Лондон (именно там находился главный пункт решения этой проблемы) и Вашингтон в мае – июне 1942 г. явился крупным событием в политико-дипломатической борьбе Сталина со своими партнерами за Восточную Европу. Молотов настойчиво убеждал собеседников, что открытие второго фронта является не столько военным, сколько политическим воп-

⁷ См.: *Батлер Дж., Гуайер Дж.* Большая стратегия. Июнь 1941 – август 1942. М., 1964. С. 246–256, 506–509; *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 2. С. 294–301; *Harriman A., Abel E.* Special Envoy to Roosevelt and Stalin. P. 120–121.

⁸ См.: Секретная переписка Рузвельта и Черчилля... С. 233–236; *Батлер Дж., Гуайер Дж.* Большая стратегия. С. 439–443; *Шервуд Ф.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. С. 125–132, 142–148.

росом, т. е. принципиально важным для сохранения и укрепления союза Большой тройки. Нарком пытался убедить, что лето-осень текущего года – самое благоприятное время для десанта через Ла-Манш. При его отсутствии и возможных, точнее, вероятных неудачах Красной армии действенного Восточного фронта не будет в 1943 г., и Германия бросит основную массу вермахта непосредственно против Британии и США⁹.

Рузвельт, более четко воспринимая трудное положение Кремля и косвенный намек Молотова на возможность выхода СССР из борьбы, пытался подвигнуть Лондон на «жертвенную высадку» летом 1942 г.: операцией «Следжхаммер» создать плацдарм в Северной Франции и удерживать его до открытия второго фронта весной 1943 г. Однако Черчилль решительно отклонил эту идею. В целом же западные лидеры молчаливо отвергли тезис Молотова о политическом характере проблемы второго фронта, каковой она была для Кремля. Но, учитывая сильнейший прессинг, особенно намек на возможность отсутствия «действенного фронта» на востоке Европы в 1943 г., Рузвельт и Черчилль согласились включить в оба коммюнике по итогам визита Молотова фразу о «достижении полной договоренности в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.». Под обещание провести «Следжхаммер» Рузвельт добился согласия Сталина на сокращение поставок по ленд-лизу по второму протоколу с 4 млн до 2,4 млн т, чтобы высвободить тоннаж для подготовки десанта¹⁰.

Вероятно, Сталин какое-то время питал надежду на уменьшенный второй фронт в 1942 г. Но когда в середине июля стало очевидно, что не будет и «Следжхаммера», а поставки по ленд-лизу явно забуксовали даже в урезанном варианте, вождь обрушил свой гнев на «неверных союзников». В послании Черчиллю от 24 июля он обвинил их в срыве обещаний («неотложные задачи») и требовал их выполнения «в ближайшее время». Он обвинил Уайтхолл и Адмиралтейство в трусости и сознательном обмане, приведших к гибели конвоя PQ-17¹¹. Кремль не менее сознательно

⁹ См.: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1983. Т. 1. С. 229–231; *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 137–158, 239–244; *Шервуд Ф.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 187–192.

¹⁰ См.: *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. С. 154–178; Советско-английские отношения... Т. 1. С. 246–248; *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 2. С. 456–464; *Шервуд Ф.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 191–194.

¹¹ См.: Переписка председателя Совета министров... Т. 1. С. 50–55; *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 2. С. 500–503.

игнорировал то обстоятельство, что союзники летом 1942 г. сами оказались в довольно трудном положении на всех трех театрах войны, чем и объяснялась судьба конвоя PQ-17.

Рузвельт и Черчилль все же понимали критичность ситуации на востоке Европы и приняли некоторые меры. Решено было подготовить 20–40 эскадрилий самолетов и разместить их на южном фланге советского фронта, что одновременно станет прикрытием фронта Кавказ – Каспий в случае прорыва туда немецких войск. Уайтхолл обещал не прерывать отправку конвоев в Архангельск. Наконец, Черчилль решился на смелый шаг – совершил поездку в Москву вместе с А. Гарриманом 12–15 августа 1942 г. и вел весьма напряженную полемику со Сталиным. Вождь повторил свое обвинение Западу в «недооценке значения русского фронта» и особенно в том, что Британия «не желает сражаться на суше так, как сражаются русские»¹².

В конечном счете встреча закончилась на дружественной ноте. Черчилль сообщил о плане операции «Факел» (высадка союзных сил в Северной Африке) в октябре 1942 г., подтвердив намерение Вашингтона и Лондона совершить десант в Европу крупными силами весной 1943 г. Примечательно, что он не употребил понятие «второй фронт». Сталин как будто простил союзников. Однако в сентябре – октябре, в связи с новыми поражениями советских войск на южном фланге, настроение Кремля резко изменилось. Но особенно насторожила вождя информация о контактах британских спецслужб с немцами и размышления Черчилля 10–12 октября об «угрозе вторжения русского варварства» в Европу. Кремль 15–19 октября ответил публичным обвинением Лондона в закулисной игре с Берлином через Р. Гесса и потребовал «немедленного суда над ним как военным преступником». В личной телеграмме послу И. Майскому (знак высшей важности) Сталин изложил более полное мнение Кремля: Черчилль ведет линию на поражение СССР, чтобы «потом договориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны»¹³.

Сталин был неправ, обвиняя Лондон в намерении вести дело к «сговору» с Германией: последнее было невозможно по определению. Мак-

¹² См.: Секретная переписка Рузвельта и Черчилля. С. 202–269; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 511–514; *Harriman A., Abel E. Envoy to Roosevelt and Stalin*. P. 153–154.

¹³ См.: Переписка председателя Совета министров... Т. 1. С. 67–68; *Ржевский О. А.* Сталин и Черчилль. С. 376–378; *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. М., 1977. С. 353–354.

симально, на что могли рассчитывать там – это взаимное истощение Германии и СССР в войне на востоке Европы. Но вождь из-за своей сверхпознательности и особенно из-за «проекции» своей личности на других был убежден в своей правоте. В конечном счете это и определило серьезный кризис отношений Большой тройки летом – осенью 1942 г. В основе его лежали глубокие разногласия между Сталиным и его партнерами в понимании роли фронтов союзников. Рузвельт и Черчилль в силу определенных объективных причин и субъективных факторов по-прежнему видели эпицентр войны в борьбе Старого и Нового Света. Сталин же явно недооценивал роль океанического фактора в политике и стратегии Запада, а также серьезность неудач Запада на своих театрах войны весной – летом 1942 г.

Новый период Второй мировой войны (ноябрь 1942 – декабрь 1943) значительно расширил проблематику отношений Большой тройки в вопросах борьбы на востоке Европы. Уже после первых успехов под Сталинградом Рузвельт в посланиях в Кремль в начале декабря предложил провести встречу Большой тройки в январе-феврале 1943 г. Он не без оснований полагал, что «важные стратегические решения» (а к ним открытие второго фронта относилось в первую очередь) должны приниматься в контексте общей политической стратегии союзников. К ней президент относил согласование «действий, которые должны быть предприняты... на случай чрезвычайных обстоятельств в Германии», а также договоренность о будущей политике трех союзников в Северной Африке и на Дальнем Востоке¹⁴.

Сталин, ссылаясь на необходимость прямого руководства действиями Красной армии, отклонил это предложение. Но были и другие причины. Он отвергал новое умаление роли Восточного фронта, постановку его в зависимость от договоренности в отношении Восточной Европы и Германии. В отношении последних у него были, как мы видим, свои замыслы, далеко не совпадавшие с расчетами партнеров.

Отказ Сталина облегчил согласование позиций Рузвельта и Черчилля по Восточной Европе на конференции в Касабланке 14–15 января 1943 г. Открытие второго фронта в прямом смысле не предполагалось союзниками, но создавался штаб подготовки возможной операции вторжения в Северную Францию в 1943 г. «в случае полного краха Германии». По насто-

¹⁴ См.: Переписка председателя Совета министров... Т. 2. С. 40–43; Фейс Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин : Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003. С. 102–103.

янию Черчилля западные лидеры решили попытаться вовлечь Турцию в войну против Германии и в случае новых неудач последней на Восточном фронте открыть «балканский фронт» в 1943 г., который в глазах Уайтхолла был бы «подлинным вторым фронтом». Однако переговоры Черчилля с президентом Турции И. Иненю в Адане 30 января – 1 февраля 1943 г. не дали желаемого результата. Анкара сохранила свой прежний весьма сомнительный, с точки зрения союзников, но крайне выгодный ей самой статус «благожелательной дружбы» и с Берлином, и с Лондоном. И это при том, что Черчилль активно использовал «угрозу с севера» (вполне реальные опасения турок о намерении Москвы проникнуть в зону проливов) для вовлечения Анкары в задуманную Западом комбинацию¹⁵.

Западные лидеры, не желая преждевременно раскрывать свои карты, с умолчаниями сообщили в Кремль о решениях в Касабланке и переговорах с Иненю. Но разведка Сталина и в этом случае докладывала точно, и он своими посланиями в феврале – марте заставил их признать, что в лучшем случае вторжение в Северную Францию состоится не ранее августа 1943 г.

Тем временем эмигрантские круги из стран Восточной Европы в Британии и США, особенно польское правительство В. Сикорского, с которым Кремль был вынужден восстановить отношения в июле 1941 г., провели заметную работу по консолидации своих позиций на антисоветской основе. Москва быстро ответила на эту угрозу. Она активизировала у себя деятельность просоветской эмиграции. В начале марта 1943 г. был создан Союз польских патриотов. Началось формирование воинских соединений чехов, поляков, венгров, югославов под эгидой коммунистических организаций, которые уточнили свои программы в плане прихода к власти в своих странах¹⁶.

И прямо как по заказу взорвалась катынская «бомба». Правительство Сикорского обратилось в Международное общество Красного Креста с просьбой проверить версию немцев об уничтожении службой НКВД весной 1940 г. 4 500 польских военнопленных. Сталин обвинил Сикорского в «сговоре с Гитлером» и разорвал с Польшей отношения. Запад-

¹⁵ См.: The National Archives (UK). War Cabinet Papers, 80/39/45, COS (43) 112 (далее – Cab.); The National Archives. Foreign Office General Political Papers. 371/37516, R 2326/1016/44 (далее – FO); The Conferences at Washington, 1941–1942 and Casablanca, 1943. Washington, 1968. P. 482, 596–764.

¹⁶ См.: Национальные и народные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 1940-х гг. М., 1985. С. 178–182; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1968. С. 343–357 (далее – ДМИСПО).

ные лидеры понимали, что «большевики могли быть жестоки», но они считали, что «мертвых не вернуть», и поддержали версию Кремля о расстреле катынских поляков немцами. Они просили Сталина прибегнуть не к полному разрыву отношений СССР и Польши, а к временному их прекращению. Однако он не только подтвердил свою оценку поведения Сикорского, но и упрекнул Уайтхолл в том, что тот не остановил действия лондонских поляков. Черчилль в послании в Кремль в конце апреля 1943 г. верно предсказал, что Сталин будет формировать промосковскую власть в Польше, которую Запад не признает. Следующим логическим шагом вождя стало устранение весьма авторитетного польского лидера, погибшего в авиакатастрофе 4 июля 1943 г.¹⁷

Вашингтон и Лондон, завершив овладение Северной Африкой, уточнили свою стратегию в Европе. На встрече западных лидеров в США 12–25 мая 1943 г. стало очевидно, что «не будет второго фронта и в 1943 г.». Более того, Рузвельту с немалым трудом удалось принять 1 мая 1944 г. как дату десанта через Ла-Манш (операция «Оверлорд»). Президент попытался смягчить реакцию вождя предложением встречи вдвоем в 1943 г. в районе Берингова пролива. Однако Сталин обрушил сильный гнев на партнеров, которые заставляют СССР «сражаться почти в единоборстве с еще сильным и опасным врагом». 24 июня он почти открыто обвинил Запад в преднамеренном обмане¹⁸.

Вероятно, вождь был уверен, что новый срыв открытия второго фронта имеет целью не допустить победы СССР в предстоявшей битве на Орловско-Курской дуге, что позволило бы союзникам реализовать «балканскую стратегию» с выходом их в Восточную Европу. Отсюда становится понятным, почему Сталин ввел в свою политико-психологическую игру немецкую карту. В середине июня 1943 г. в Стокгольме состоялся контакт с немецкой агентурой. Исходными условиями Кремля для переговоров о прекращении военных действий на востоке Европы были: подтверждение советской границы на 22 июня 1941 г., признание соседних с Москвой стран Восточной Европы сферой безопасности СССР, возмещение материального ущерба со стороны Германии. Едва ли вождь рассчитывал на позитивный ответ Берлина. А припугнуть «неверных со-

¹⁷ См.: Переписка председателя Совета министров... Т. 1. С. 119–127; *Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсадынова В. С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. С. 87–125, 136–166.

¹⁸ См.: Переписка председателя Совета министров... Т. 1. С. 132–138; Т. 2. С. 69–70; *Фейс Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин.* С. 126–128.

юзников» угрозой нового «сговора» было весьма кстати. Вероятно, этим и объясняется быстрая «утечка» информация о контакте, и примечательно, что обе стороны опровергли сообщение о нем¹⁹.

Острый конфликт между Москвой и Западом по проблемам войны на востоке Европы летом-осенью 1943 г. стал очередным кризисом Большой тройки, гораздо более глубоким и опасным, чем предыдущие кризисы. Кроме указанных действий, Сталин отозвал своих послов из западных столиц – М. Литвинова и И. Майского. Причем он ясно дал понять, что это не опала дипломатов (вскоре они стали заместителями В. Молотова), а жесткая оценка поведения партнеров. Действительно, в Уайтхолле и особенно в Белом доме ощущалась тревожная обстановка по поводу отношений Сталина с Рузвельтом и Черчиллем. Р. Шервуд, близкий сотрудник президента и один из наиболее проницательных современников, сравнил ее с ситуацией «накануне заключения советско-германского пакта августа 1939 г.» и подтвердил опасения Белого дома в связи с возможностью «заключения сепаратного мира между Россией и Германией»²⁰.

Разыгрывая немецкую карту, вождь не задвинул западную в дальний угол. Он резонно предполагал, что игра с Берлином в условиях грандиозного успеха в Орловско-Курском сражении, особенно в политико-психологическом плане, окажет нужное воздействие на Запад. Он сохранил переписку с Рузвельтом и Черчиллем, усилив требовательную тональность, особенно по поводу итальянских дел и в вопросе совещания министров иностранных дел трех держав как подготовительного этапа к встрече Большой тройки. Но, принимая в расчет определенное сопротивление партнеров, в частности откровенно недружественные высказывания Черчилля в США и Канаде, принятие западными партнерами на очередной встрече в Квебеке 17–24 августа плана экстренного вторжения на континент, Сталин продолжил свою игру с Гитлером. В начале сентября 1943 г. он запустил очередной пробный шар в Берлин, усилив требования в отношении своей сферы безопасности в Юго-Восточной Европе и ком-

¹⁹ См.: *Mastny V. Stalin and the Prospect of Separate Peace in the World War II // The American Historical Review. 1972. Vol. 77. Iss. S. P. 1375–1379; Кимбол У. Сталинград и дилемма американо-советских отношений // Сталинград : События. Воздействие. Символ. М., 1995. С. 360–370.*

²⁰ См.: *Шервуд Ф. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 410–411; Дани Д. Между Рузвельтом и Сталиным : Американские послы в Москве. М., 2004. С. 287–288.*

пенсации за разрушения на территории СССР²¹. Вероятно, с этим ходом связано создание Сталиным 6 сентября 1943 г. комиссии по вопросам перемирия с Германией и ее союзниками во главе с К. Е. Ворошиловым.

Но в этот раз замысел Кремля шел дальше простого зондажа. Буквально в те же дни из военнопленных немцев был создан Союз немецких офицеров, вступивший в контакт с созданным ранее Национальным комитетом «Свободная Германия». Союз принял «Воззвание к немецким генералам и офицерам! К народу и вермахту!». Предполагалось широкое распространение этого документа в немецких частях на оккупированной территории под лозунгом «Перемирие – требование дня!», а также опубликование необходимых материалов в газете «Свободная Германия». Однако этот план, задуманный, вероятно, на случай возможного военного переворота, оказался нереализованным.

И все же игра Кремля с Берлином заставила западных лидеров, особенно Рузвельта, глубже вникнуть в основные требования вождя относительно ситуации в Восточной Европе, чтобы достичь наконец ее разумного разрешения. В конце сентября 1943 г. Рузвельт провел две важные беседы с бывшим послом США в СССР Дж. Дэвисом. Последний убедительно показал президенту, что Сталин упорно и последовательно добивается, помимо открытия второго фронта и увеличения поставок по ленд-лизу, серьезных уступок в Восточной Европе, и, если Запад не пойдет навстречу Москве, «Сталин может подписать сепаратный мир с Германией... как это случилось в 1939 г.»²². Мнение Дэвиса настолько впечатлило президента, что он счел нужным осторожно намекнуть об этом своей публике. Вскоре в октябрьском номере журнала «American Magazine» появилась статья г. Гопкинса (он участвовал в беседе президента с Дэвисом) под заголовком «Мы можем победить в 1945 г.». Она сопровождалась очень важным пассажем: «Россия, ключевой фактор в войне, все еще ведет жестокую борьбу. Если мы потеряем ее, я не думаю, что мы проиграем войну, но я буду вынужден изменить мой прогноз о времени победы»²³.

И западные лидеры сделали правильный выбор. Конференция трех министров иностранных дел в Москве 19–30 октября 1943 г. показала,

²¹ См.: *Mastny V. Stalin and the Prospect of Separate Peace in the World War II*. P. 1382–1383; *Kahn M. Measuring Stalin's Strength During Total War: US and British Intelligence on the Economic and Military Potential of the Soviet Union*. Goteborg, 2004. P. 296–297.

²² *Дани Д. Между Рузвельтом и Сталиным*. С. 291–292.

²³ *Mastny V. Stalin and the Prospect of Separate Peace in the World War II*. P. 1386.

что Вашингтон и Лондон в конструктивной дискуссии проявили готовность принять основные требования Кремля по проблемам Восточной Европы. Был подписан «Особо секретный протокол», подтвердивший решения предыдущих совещаний Рузвельта и Черчилля о стратегическом десанте в Северную Францию весной 1944 г. при наличии минимально необходимых условий. Стало очевидно, что западные лидеры учли возражение Сталина против «балканской стратегии» союзников. После конструктивных дебатов вокруг выхода Италии из войны было решено создать Европейскую консультативную комиссию (ЕКК) из представителей трех великих держав для обсуждения всех вопросов, связанных с новыми «беглецами» из фашистского блока. Подтверждением принципа безоговорочной капитуляции Германии, принятого Рузвельтом и Черчиллем в Касабланке, стало официальное присоединение Москвы к нему. О «комиссии Ворошилова» Кремль благоразумно умолчал²⁴.

По инициативе главы Форин офиса А. Идена был поставлен вопрос о зондаже со стороны представителей правящих кругов стран Восточной Европы – сателлитов Германии по поводу условий их выхода из войны. По сути, Лондон намекал на советский зондаж в Берлине. После заявления Идена о попытках румынских агентов выяснить у англичан условия выхода Бухареста из войны Молотов сообщил о предложении Японии организовать посредничество в достижении перемирия между Германией и СССР – не исключено, что в Токио знали о пробных контактах Кремля и Берлина. Нарком подтвердил, что Москва отклонила японское предложение. В итоге «малая тройка» приняла заявление (в секретном протоколе) о том, что Уайтхолл, Белый дом и Кремль будут «немедленно информировать друг друга о всякого рода пробных предложениях мира» и консультироваться для согласования своих действиях²⁵.

Озабоченность западных партнеров игрой Кремля на немецкой карте подвигла Сталина на некоторую откровенность. На прощальной встрече с К. Хэллом и А. Иденом 30 октября 1943 г. он заявил: «Надеюсь, вы не покинете Москву с мыслью, что Советы намерены пойти на сепаратный мир с Гитлером». Посланцы Рузвельта и Черчилля в один голос заверили его, что ничего такого не думали. Но вождь лучше знал их мысли. По

²⁴ См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1978. Т. 1. С. 321–348 : Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 19–30 октября 1943 г. (далее – Московская конференция); *Harriman A., Abel E. Special Envoy to Roosevelt and Stalin*. P. 235–239.

²⁵ См.: Московская конференция... С. 318.

существо, этой репликой он косвенно признавал свой зондаж в Берлине и заверял, что игра на немецкой карте закончилась. А. Гарриман, один из наиболее доверенных сподвижников Рузвельта, ставший в сентябре 1943 г. послом в Москве, настойчиво добивался у Молотова большей откровенности в этом вопросе. Сталин, благоволивший новому послу Белого дома, позволил наркому приоткрыть тайну. 12 ноября Молотов подтвердил сентябрьский контакт двух разведок, даже назвал имена с немецкой стороны (Э. Клаус и П. Клейст). Но Кремль подал это как ход немецкой группы промышленников, которая тесно связана с И. Риббентропом и «заинтересована в переговорах о сепаратном мире», так как считает, что Германия не сможет выиграть войну. Нарком твердо заверил посла, что Москва однозначно отвергла этот зондаж²⁶.

Между тем заканчивалась подготовка первой встречи Большой тройки. После довольно напряженной переписки между Кремлем и Белым домом (Сталин, по сути, выставил ультиматум: либо Тегеран, занятый советскими войсками и имевший надежную связь со Ставкой и фронтами, либо срыв встречи) Рузвельт уступил. По прибытии в столицу Ирана ему пришлось сделать новую уступку, правда, скорее приятную: он перебрался по приглашению вождя из своего посольства в советское. Молотов убедил американцев, что немецкая агентура «готовит враждебные акты» против участников встречи, и президент охотно принял предложение Сталина, так как хотел иметь возможность встречаться с ним один на один. Позднее на вопрос американского посла, был ли это реальный немецкий заговор или «заговор Молотова – Гарримана» (последний поддержал выбор президента), нарком ответил, что русские не имели информации о «заговоре с целью покушения на кого-либо из трех лидеров», а немецких агентов знали и спокойно убрали²⁷.

Конференция И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля в Тегеране 28 ноября – 1 декабря 1943 г. приняла ряд важных решений по проблемам войны на востоке Европы. Правда, британский премьер-министр, явно огорченный слишком уступчивой позицией Идена в Москве, снова поставил вопрос о более тесной связи операции «Оверлод» с возможным десантом через Эгейское море и Адриатику в Грецию и Югославию. Если последний будет успешным, следует отложить на два-три месяца начало открытия второго фронта. Рузвельт поначалу пытался примирить подход Черчилля с позицией Сталина, не считая «некоторую задержку» десанта

²⁶ См.: *Harriman A., Abel E. Special Envoy to Roosevelt and Stalin*. P. 247.

²⁷ См.: *Ibid.* P. 262–264; *Бережков В. М. Рядом со Сталиным*. М., 1999. С. 380.

в Северную Францию принципиально важной. Дискуссия 28–29 ноября приобрела опасный для Кремля характер, и вождь, обратившись к Молотову, сказал «Идем. Нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте»²⁸. Конечно, президент разрядил обстановку и удержал советскую делегацию.

Даже если это заявление было спонтанным, оно опиралось на вполне реальную политико-психологическую основу и прежде всего на понимание Сталиным готовности Рузвельта в принципе далеко пойти навстречу Кремлю. К тому же оба западных партнера были заинтересованы в самом созыве совещания и его успехе больше Сталина. Кроме того, последний сделал еще один сильный ход. Утром 30 ноября он заявил, что в случае отсрочки операции «Оверлод» в Москве возникнет большое разочарование и чувство одиночества. Тогда советское наступление весной – летом 1944 г. окажется под вопросом. Это был весьма прозрачный намек, и не случайно он был сделан именно Черчиллю, а не президенту. Через пару часов западные партнеры сообщили вождю, что они вместе с Объединенным комитетом начальников штабов приняли решение о проведении операции «Оверлод» в мае 1944 г. при поддержке десанта союзников в Южной Франции. Она будет иметь высший приоритет вне зависимости от возможных действий британских сил в Восточном Средиземноморье²⁹.

Сталин в спокойной манере выразил удовлетворение разумным поведением партнеров и подтвердил ранее высказанное заявление, что в таком случае «русские обязуются к маю 1944 г. организовать большое наступление в нескольких местах, чтобы приковать немецкие дивизии на Восточном фронте». Рузвельт и Черчилль обязались выполнить и другое резонное требование вождя – не затягивать назначение главнокомандующего операции «Оверлод»³⁰.

Проблема западных границ СССР к Тегеранской конференции оказалась тесно связанной не только с польской, но и с германской проблемой. Их обсуждение, хотя и в достаточно спокойной манере, шло в течение

²⁸ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 409; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1978. Т. 2. С. 126–133 : Тегеранская конференция руководителей СССР, США и Великобритании 28 ноября – 1 декабря 1943 г. (далее – Тегеранская конференция).

²⁹ См.: Тегеранская конференция... С. 133–134; *Edmonds R. The Big Three : Churchill, Roosevelt and Stalin in Peace and War*. N. Y., 1991. P. 355; *Harriman A., Abel E. Special Envoy to Roosevelt and Stalin*. P. 274–275.

³⁰ См.: Тегеранская конференция... С. 150–151; *Harriman A., Abel E. Special Envoy to Roosevelt and Stalin*. P. 275–276.

всей конференции, но примечательно, что оно успешно завершилось после указанного судьбоносного «выбора 30 ноября». Западные партнеры приняли с некоторыми поправками в целом разумный элемент программы Кремля декабря 1941 г. о компенсации потерь поляков за счет Германии. Метафора Черчилля «три подвижные спички» оказалась удачной формулой. СССР сохраняет за собой присоединенные осенью 1939 г. польские территории (этим делалось особое исключение для Москвы из условий Атлантической хартии). Польша передвигает свою границу с Германией на запад (в идеале – до рек Одер и Нейсе) и на север, получая основную часть Восточной Пруссии (г. Кенигсберг Сталин закрепил за собой). Советская сторона согласилась с настойчивой (и вполне резонной) просьбой партнеров оставить пока в секрете этот пакет договоренностей, включая и признание линии Керзона, хотя Сталин поначалу настаивал на публичном признании ее. Он категорически отклонил их просьбу восстановить дипломатические отношения с поляками: «Мы отделяем Польшу от эмигрантского правительства в Лондоне». Правда, он не хотел создавать впечатления, что Кремль сделал ставку на создание «своего правительства», когда Красная армия придет в Польшу. И потому добавил, что если агенты правительства С. Миколайчика «прекратят связи с немцами» и перестанут «убивать партизан» (излюбленные «доводы» вождя), Москва будет готова начать переговоры с «лондонцами». Но не более того³¹.

Таким образом, Тегеранская конференция И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля явилась событием, разрешившим глубокий конфликт в Большой тройке в проблемах войны на востоке Европы. По существу, между Сталиным и западными лидерами шла политико-дипломатическая война, в которой были свои фронты, стратегия и тактика противников, большие и малые сражения. Она закономерно закончилась победой советской стороны. У нее оказалась прочная материальная основа – ведущая роль Восточного фронта в мировой войне и два выдающихся успеха Красной армии – Сталинградское сражение и Орловско-Курская битва.

Однако эти успехи не определяли автоматически победу Кремля в политико-дипломатической войне в Большой тройке. Понадобились другие важные факторы. Прежде всего, глубокая убежденность Сталина в своей правоте в вопросах войны на востоке Европы, которая опиралась

³¹ См.: Тегеранская конференция... С. 163–164; *Фейс Г.* Черчилль. Рузвельт. Сталин. С. 256–259.

на сильную волю к достижению поставленных целей. В этом отношении западные партнеры явно уступали ему.

Другим фактором стала большая политико-психологическая игра вождя на обеих картах – западной и немецкой. Она явно недооценена в западной литературе и практически отсутствует в отечественной историографии, которая по старой советской традиции стыдливо умалчивает о ней. Между тем эта игра является не ущербом, а скорее крупным успехом Кремля в политико-дипломатической сфере в годы Второй мировой войны. Сталин был убежден в том, что западные лидеры, особенно Черчилль, ведут не менее хитрую, коварную игру между Москвой и Берлином, в частности через Р. Гесса. Это обстоятельство если и не оправдывает, то хотя бы частично объясняет причину игры вождя, а в какой-то мере – и ее успех.

Наконец, у Сталина оказалось еще одно оружие в борьбе за реализацию своих замыслов в Восточной Европе. Фигурально говоря, он знал содержание самых секретных сейфов Белого дома и Уайтхолла. Достаточно сказать о проникновении его агентов в Манхэттенский проект. «Кембриджская пятерка» стала уникальным явлением в истории мирового шпионажа. Она раскрывала и тайны Рузвельта, так как президент достаточно полно информировал Черчилля о секретах Белого дома, особенно когда речь шла о согласовании позиций Вашингтона и Лондона в отношении Кремля.

Решения Тегеранского саммита Большой тройки по вопросам хода войны и ее завершения на востоке Европы заложили прочную основу для успехов Кремля на заключительных этапах Второй мировой войны. Весной – летом 1945 г. страны этого региона от Балтики до Адриатики стали сферой безопасности СССР с логической перспективой радикальной смены в них общественно-политического строя и установления режимов «народной демократии».